

Н.Г. Архипова

**НАИМЕНОВАНИЯ НЕДУГОВ В ГОВОРАХ И ФОЛЬКЛОРЕ
СТАРООБРЯДЦЕВ (СЕМЕЙСКИХ) АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ**

На лексическом материале рассматриваются наименования болезней и болезненных состояний в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области. Выявляются смыслоразличительные признаки недуга как живого существа, на формальном (внешний облик болезни, ее атрибуты) и акциональном (действия, функции и связанные с ними акустические проявления, модусы, локативные и темпоральные характеристики) уровнях.

Ключевые слова: лексика, старообрядцы, семейские, говоры, наименования недугов, заговоры.

**NAMES OF DISEASES IN DIALECTS AND FOLKLORE
OF OLD BELIEVERS (SEMEISKIE) OF THE AMUR REGION**

Using the lexical material the names of diseases and disease conditions are considered in the dialects of Old Believers (Semeiskie) of the Amur region. Distinctive signs of illness are identified in the formal (the onset of disease, its characteristics) and actional (activities, functions and accompanied acoustic manifestations, modi, locative and temporal characteristics) levels.

Key words: vocabulary, Old Believers, Semeiskie, dialects, illnesses, incantations.

В статье наименования болезней и болезненных состояний рассматриваются на лексическом материале говоров и фольклора старообрядцев (семейских) Амурской области, собранном во время фольклорно-диалектологических экспедиций в ряд старообрядческих сел Амурской области.

В говорах семейских было зафиксировано 79 лексем – наименований недугов и болезненных состояний как человека, так и животных. Эта лексика участвует в формировании и отражении языковой картины мира семейских, в связи с чем немаловажным является выявление смыслоразличительных признаков недугов на формальном (внешний облик болезни, ее атрибуты и под.) и акциональном (действия, функции и связанные с ними акустические проявления, модусы, локативные и темпоральные характеристики) уровнях.

В народной культуре имя мыслится как часть самого существа, поэтому, когда обращаются к болезни, вселившейся в человека, стараются назвать ее по имени. По народным поверьям, через имя можно повлиять на его носителя [1, 2]. Недуги могут получать названия по симптомам болезни, по месту локализации в теле человека, по обстоятельствам, при которых произошла болезнь, и по времени, в которое она случилась, по актуализации значимого признака, по ассоциации с

хтоническим животным, по именам демонов – источников болезни, по способам насылания и др. [3, 4, 5].

Так, среди признаков болезни в говорах семейских чаще всего актуализируется ее цветовое проявление: *бледнуха, белая, черная немочь, желтая, желтуха, желтушница, желуница, черленость* (предположительно от *черный*), *бельмо* (предположительно от *белый*), *туск* (от *тусклый*). Жители сел объясняют, что при желтухе кожный покров человека становится желтым: «*пожелтела вся*»; «*глаза желтыми делаются*». Болезнь называется также по «температурному» проявлению: *жар, огонь* (больной испытывает состояние жара); *ледиха* (больной испытывает состояние холода, озноба); «*нашел озноб, мерз, мучился*»; по внешнему качественному проявлению: *оток* (от *отець*), *опух* (от *опухнуть*). По способу двигательной активности болезни называются следующим образом: *трясовица, трясенье, трясье* (от *трястись*), *повертуха* (от *повертеть, вертеть*), *щекотуха* (от *щекотать*), *беспокойница* (от *беспокоить*), *тыкота* (от *тыкать*), *зудучка* (от *испытывать зуд, зудить*), *свербота* (от *свербить*), *плева* (от *плевать*).

По месту «обитания» в теле человека выделены названия: *горлодав, горлянка, горлея* (обитает в горле), *ногтоедка* (ест ногти), *грудея* (обитает в груди).

Обстоятельства, при которых произошла болезнь, и время, в которое она случилась, чаще всего представлены прилагательными: *перемежающая, полуношница, весенница, переходная, утренница, часовая, минутная, секундная*. Подобные номинации реализуются в заговорах от болезней (главным образом от лихорадки). При наименованиях болезни по темпоральным признакам в народном сознании учитывается, с одной стороны, время функционирования, появления, исчезновения, посещения людей; с другой, – период существования болезни. Когда говорят о болезни, то подразумевают обстоятельства и время, в которое появляются первые симптомы заболевания или протекает все ее действие. Так, лихорадки могут называться *денной, ночной, утренней, вечерней* и т.п. Несмотря на то, что определения не являются именами как таковыми, они становятся неотъемлемой частью названия заболевания. Прилагательные характеризуют болезни по месту или среде обитания (*головная, пуповая*), по внешним качественным и относительным признакам (*пестрая, раскрасивая, старая*), принадлежности (*сучья, собачья, петушья*), по функциям или типичным действиям (*вредная, злая*).

Многие болезни представлены как мифологические персонажи с закрепленным характерным устойчивым обликом, хотя зачастую неясность облика мешает четкому и однозначному определению болезни. Наиболее распространенными признаками недугов, эксплицированными в заговорах и спонтанном высказывании, являются непокрытость головы, непричесанность, беспоясность. В народных представлениях болезнь – женщина (*старуха, баба-беловолоска, девка- простоволоска*). Представление о болезни в мужском облике зафиксировано только одним заговором: «...*12 братьев. Вы черные, вы белые, вы серые, вы красные, вы бурдовые, вы ветровые, вы вихревые, вы лесовые, вы водяные, вы минутные, вы секундные, вы ночные, вы полуночные...*». Безотносительно к лицу используются безличные глагольные формы: *напало, повеяло, нашло, пришло* и т.п.

При характеристике «внешнего вида», облика болезни учитывается значимый признак: *космея* (косматая), *баба-беловолоска, баба-непокрытка, девка-простоволоска*, а также ассоциация с хтоническим или иным животным: *червь, жаба, змеевец, собачья (сучья) старость*.

В народной языковой культуре семейских часты наименования болезни по именам демонов – ее источников: *лихой, комуха, гнетуха, лихоманка, трясуха, китюха, бешиха*. А также по способам насылания: *сглаз* (сглазить), *прикосы, окос* (прикосить, окосить), *порча* (портить), *озев* (озевать), *огляд* (оглядеть). Эти действия способно совершить только наделенное сознанием существо.

Отмечены наименования болезней, соотносимые с названием хозяйственной утвари (*хомут*), растений (*ячмень, репей, репье*; ср., «*листья у корнеплодов, например, у репы*»), хозяйственных отходов (*старье, хамун*), покрова животных и человека (*щетина, щетинка, волос, волосец*).

Таким образом, болезнь может приобрести имя по любому из своих дифференциальных признаков в зависимости от степени его значимости как симптомокомплекса. При наименованиях недугов отмечаются ассоциации либо с антропоморфным (зооморфным) существом, либо с предметом (явлением) окружающего мира. Наши наблюдения показывают, что в народной культуре независимо от того, как болезнь названа, в спонтанном тексте реализуются ее витальные, интеллектуальные и другие признаки, свойственные живому существу.

Этот факт подтверждается также широко распространенными названиями-эвфемизмами – задабривающими: *добруха*; уменьшительно-ласкательными: *ошица, смертушка, болечка, хворобушка*; почтительно-возвеличивающими: *госпожа, князь*; отражающими социально-родственные связи: *матушка, кумуха (от кума), тётка, повитуха, родимец, мачеха*. Встречены единичные названия-дисфемизмы: *дряница*.

Часты в наименованиях болезней местоименные замены: *она, своя, моя*; безличные глаголы: *повеяло, напало, вырвало, тошило*; описательно-определятельные обороты: *не тебе будет говорено, след себе видеть, докатываться до бурмин*. Думается, это объясняется древними представлениями о том, что болезнь можно отвести, не назвав ее по имени. Так, например, возникли диалектные названия лихорадки – *безымянная, невея*. У ряда заболеваний, физиологических состояний не фиксируются наименования по причине неодобрительной социальной оценки явлений и, следовательно, нежелательности употребления слов в речи. В говорах семейских отмечены единичные названия заболеваний мочеполовой системы (*хомут* – болезнь мочеполовых органов), не встречаются названия венерических болезней, искусственного прерывания беременности.

В представлениях семейских болезни, не имеющие явных внешних качественных проявлений (заболевания внутренних органов или психические расстройства), объясняются иррационально: действиями колдуна (*волхита, деда, ведьмаки, хомутинника, шептуна*), злых духов (*Лиха*), проникновением в организм антропоморфных и зооморфных существ (*Лихорадки, Родимца, Червя, Жабь*). В качестве персонифицированных воплощений болезни можно назвать *Лихо, Лихорадку, Кумуху, Родимца* и др. Болезнь может возникать по объективным причинам: из-за неблагоприятных условий жизни, – например, из-за охлаждения (*околеть, остыть, переизноситься, призамерзнуть*); ранения, укуса ядовитых насекомых и змей, бешеных животных, отравления, переутомления; в результате вредоносного действия хтонического животного (*жаба, червь, червец, вьюн*). Новое время, значительно видоизменив представления о причинности и персонифицированности болезни, оставило их рудименты и породило новые мифы. Например, появились представления о человеческом организме как о сложном механическом устройстве, а болезнь стала пониматься как его засорение или неполадка: «*Да, тшой-то сломалось у мене, не дюжиться*».

Болезнь находится на грани двух миров – реального и потустороннего. Доказательство тому – формулы прихода и отсылки болезни. В зафиксированных заговорах недуг отсылается на мхи, на болота, на пни, за поля, за леса, под черный камень. Болезнь может проникать в организм человека с какими-то предметами или в виде веществ: «*Шел мужик, нашел рожу, положил в ларец, ларец – в рогожу*». Она может прийти сама: «*Как поидет грипп, так все говорят: «Это переходчивая болезнь, ото двора ко двору переходит»*», «*Повитуха к нам пришла, все подряд болеют*», пристать («*Хорошенькая была девочка, да к ей молоденская пристала*»), налететь («*Бешиха – это болезнь. То*

рожа, а это бешиха, вроде как она налетная», «Опять повертуха кака-то налетела, все тело разламывает»), броситься («Рак матки был, он бросился сюды вот»), схватить («...сердце хватает», «...понос хватат, прямо канчивается»).

Болезнь совершает ряд насильственных действий над человеком. Она его ударяет, бьет, мучит, трясет, колотит, тычет. Болезнь пребывает в теле человека в костях, жилах, голове, сердце, легких, печени, глазах и т.д., т.е. в народной культуре существует представление о человеке как о вместилище, куда болезнь входит и откуда выходит, которое может взять с собой: «...лихоманка ее взяла», «когда вся мозга выйдет, он умрет». Зафиксировано также представление о человеке как о природном растительном объекте, который можно скосить («Японская филиенца косила детей, как литовкой»), неодушевленном предмете, который болезнь выворачивает, ломает, поддевает.

Противостояние человека и болезни может быть представлено разнонаправленными действиями: болезнь стремится к человеку, она хочет проникнуть внутрь, поселиться в его теле, в его доме, селе, завладеть его пространством. О болезни говорят: *она идет, приходит, входит, ходит*. Человек, наоборот, стремится изгнать, удалить болезнь. Больной или целитель говорит ей: *поди, уйди, выйди, отойди, беги, слезь, убегай, отступи, удирай, вылезай, выходи, вон, прочь*.

Избавиться от болезни можно, задабривая ее, моря голодом, уговаривая, смывая «банною водою, серою золой», можно выгрызать, «силу огня забирать, в тело свое запирать на 12 замков, 12 ключей», в огонь бросать, чертям дарить: «чертушки – братушки, скорые ребятушки, скорейше идите, мой подарок заберите».

Способы взаимодействия болезни с человеком могут быть различными как по функции (вредить, наказывать) и по способу воздействия на человека (*ругать, трясти, насыпать сон* и т.д.), так и по способу общения и воздействия человека на болезнь (*приглашение, выманивание, приветствие, «кормление», просьбы, причитания, угрозы, запугивание, изведение* и т.п.)

Действия болезни как мифологического персонажа отличает коммуникативная маркированность, так как недуг отчетливо направлен на объект, т.е. человека, для которого предназначается. Болезнь приходит, овладевает человеком, грызет, мучает его, ест, отнимает благо. Например, болезненное состояние определяется следующим образом: *боль нашла, затосковать, быть разбитым* и т.п.

Человек, имея непосредственно функцию избавиться от болезни, может различными способами воздействовать на нее, он может ее просить, ругать, гнать, пугать: «...Я вас прошу, змея Екатерина и змей Галич, выньте свой яд из крещенного тела рабы Пелагеи. Если же вы не поможете, свой яд не вынете, буду жаловаться ангелу – архангелу небесному, грозному, который будет ехать с восточной стороны на вороном коне, с точеными ножами, с калеными пилами, с огненным помелом. Он вас побьет, он вас пожжет, пепел ваш в океан-море снесет, повыведет ваш весь род и племя, чтоб вас ни одного гада – змея не было на белом свете». Таким образом, первоначально человек старается договориться с болезнью по-хорошему: уговаривает ее, уважительно к ней обращаясь. Если же болезнь не уходит, то он начинает ей угрожать, запугивать тем, что выведет весь род ее и племя.

Модусы в большей степени зависят от того, какой облик принимает болезнь: например, если это змея, то она приползает, если речь идет о призраках, узорах, оговорах и т. п., они могут склеиваться, скатываться. Например: «Ежли заговариваш, то прикос, урок скатыват, каубы спалзат».

Таким образом, в языковой народной культуре старообрядцев болезнь предстает, главным образом, как мифологический персонаж, внешний и чужеродный. Объяснение строится от противного. Заболевание противостоит нормальному здоровому состоянию как нечто такое, что не свойственно человеку, привнесено извне и от него не зависит. Чужеродная болезнь — это

неуправляемое явление, обладающее независимой от человека собственной активностью. Болезнь проявляется в качестве самостоятельного объекта, происхождение которого требует объяснения в соответствии с принятой картиной мира. Такие представления существенно отличаются от логики научного сознания и общей культурной пресуппозиции относительно источника и причин болезни. Однако спонтанные диалектные высказывания и заговоры от болезни, бытующие в амурских селах, свидетельствуют о сохранении фрагментов архаичных мифов о болезни как об антропоморфном или зооморфном, но наделенном человеческими признаками существе, наиболее полный набор смысловых признаков которого выявляются на морфологическом (внешний облик болезни, атрибуты), языковом (названия болезни, имена собственные, эпитеты), акциональном (действия, функции и связанные с ними акустические проявления, модусы, локативные и темпоральные характеристики) уровнях.

-
1. Толстой, Н.И. Из наблюдений над полесскими заговорами // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995. – 447 с.
 2. Власова, М. Русские суеверия. Энциклопедический словарь. – СПб.: Азбука, 1998. – 759с.
 3. Кирпикова, Л.В. Взаимодействие разнородных лексических единиц в условиях современного говора // Исследование лексики и фразеологии говоров Сибири. Сб. научных трудов. – Красноярск, 1984. – С. 50-57.
 4. Кирпикова, Л.В. Особенности быта и воззрений амурских старообрядцев, отраженные в лексике их говора // Альманах «Алтарь России». – Вып. 1. – Большой камень: Омега, 1997. – С. 83-86.
 5. Архипова, Н.Г. Лексические особенности наименований недугов в русских говорах Приамурья как результат междиалектного взаимодействия // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск, 2001. – С. 169-176.
 6. Русский народ. Обычаи, предания, обряды и суеверия, собранные М. Забылиным. – СПб., 1888. – 586 с.
 7. Сахаров, Н. Сказания русского народа. – СПб., 1841 (репринт. М.: ЭКСМО, 2002. – 606 с.).